

Рождение легенды

Скорее небо упадёт на землю, и реки потекут вспять,
чем заяц перехитрит лиса.
Лисья поговорка

Глава 1. Новое имя

Открыв глаза, зайчонок долго пытался понять, где он оказался. Над головой в синеве ясного неба шелестели пучки трав, развешанные на верёвках, и шумели кроны высоких берёз. Сам он лежал на ветхой циновке между трёх больших валунов, не позволявших осмотреться вокруг. Руки были обмотаны листьями, но боли в них зайчонок не чувствовал.

— Вот ты и очнулся, Кролик, — продребезжал рядом чей-то голос.

— Я не Кролик! — сказал зайчонок, однако даже сам не услышал собственного голоса: из открытого рта донёсся только едва различимый сип.

Он хотел подняться, но с трудом смог пошевелиться и лишь повернул голову.

— Лежи, сынок. — Только увидев Старца, зайчонок вспомнил, кому принадлежал дребезжащий голос. — Лежи — ты ещё слишком слаб.

Значит, он на Заячьем Выхолмье. Только как он здесь оказался? И что с его руками? Старый заяц в своей поношенной хламиде до пят, опираясь на сучковатый посох, неспешно подковылял к зайчонку. Он был настолько преклонного возраста, что никто уже не помнил его настоящего имени, и все в лесу звали его просто — Старец или Старый Заяц. Он весь скрючился с возрастом так, что когда ходил, всё время смотрел в землю, и мог передвигаться, только опираясь на свой посох, который был вдвое выше него самого.

Пристанищем старого мудреца служило убежище, образованное тремя соприкасающимися огромными камнями так, что оставались три узкие щели между ними и небольшой просвет сверху. Присев рядом, старик приподнял зайчонку голову и из глиняной чашки напоил душистым отваром. В желудке резануло, и зайчонок понял, что уже давно ничего не ел. Сначала его чуть не вырвало, но потом желудок успокоился.

— Вот и славно, — сказал Старец, от острого взгляда которого ничего не укрылось. — Тот, у кого имеются силы, чтобы кушать, вызывает надежду на своё исцеление.

— Где мои родители? — хотел спросить он, но у него вновь ничего не получилось.

— Спи и набирайся сил, — ответил на его сип Старец; он всегда говорил неторопливо. — Я туговат на ухо и не слышу тебя, Кролик.

«Я не Кролик», — подумал зайчонок. Во сне он видел свою маму, и проснулся ночью в холодном поту, потому что вдруг понял, что больше никогда её не увидит. Только откуда он это знал?

Рядом тихо потрескивал в небольшом углублении костёр, и удивлённый зайчонок смотрел, не веря своим глазам. Ночью никто из мелких зверей не осмеливался зажигать костров из опасения, что огонь

может привлечь хищников. Однако Старец, сидевший рядом на камушке, как ни в чём не бывало посохом поворошил костёр, из-за чего тот разгорелся ещё ярче. Точно говорила звериная молва, что старик, хоть и безмерно мудр, но не без странностей.

Днём на небольшой лужайке посреди рощицы на холме собирались разные мелкие звери и птицы, но больше всех, конечно, было зайцев. Кто шёл к мудрецу за советом, кто за лекарской помощью, кто послушать истории, которых тот знал преогромное количество, а кто и просто посудачить и обменяться новостями. В благодарность звери несли старику травы, коренья, орехи, хворост...

Зайчонок же был ещё слишком слаб и не мог пока покидать расщелину. Старик, как оказалось, только выглядел таким немощным. Он старательно ухаживал за больным — поил отварами, перевязывал руки и выводил до ветра.

Однако зайчонок так и не мог вспомнить, что же с ним произошло, как ни пытался. Только на второй или третий день, когда его голос окреп настолько, что старик наконец его услышал, он смог повторить свой вопрос.

— Они ушли, сынок, — ответил мудрец, пожевав губами, — ушли туда, откуда не возвращаются.

Зайчонок в глубине души это уже знал.

— А как... — голос сорвался. — А как они ушли?

— Мне это неизвестно, сынок.

— Но как я здесь очутился, дедушка?

— Зайцы тебя нашли без чувств в мышиной норе и принесли ко мне. Никто не знает, сколько ты там пролежал.

— Но как я смог пролезть в такую маленькую нору?

— Ты её раскопал своими руками, сынок.

Зайчонок посмотрел на свои перевязанные руки. Пожевав губами, Старец добавил:

— Потому я и дал тебе имя Кролик.

— Но я не Кролик.

— Ты сумел обмануть смерть, и теперь тебе нужно новое имя. — Старик продолжал говорить, будто ничего и не слышал. А может, и в самом деле не слышал. — Новая жизнь — новое имя.

Зайчонок проплакал всю ночь, и только к утру сумел успокоиться. На следующий день, собравшись с силами и поднявшись на ноги, он впервые вышел на лужайку. Он не знал, сколько проболел, однако сверстники оказались выше его чуть ли не на целую голову, а его самого никто не узнавал.

И когда зайчонок Щербатый, прозванный так за сколотый передний зуб, спросил, как его зовут, зайчонок после некоторого замешательства ответил:

— Кролик.

Потихоньку зайчонок поправлялся и начал помогать старику в его нехитром хозяйстве: носил воду, собирал хворост, поддерживал огонь, чтобы варить различные отвары для врачевания и кушанья для самих себя. Старец, оставшийся без единого зуба, мог есть только варёные и истолчённые коренья и плоды.

Особенно зайчонок любил, когда старик доставал старинный свиток и начинал читать истории про легендарного зайца Ветрогона, который бегал настолько быстро, что мог обогнать ветер, а от хищников удирал

и подавно... Конечно же, все зайчата без исключения хотели быть похожими на этого Ветрогона!

Иногда кто-нибудь просил рассказать про Ужасного Лиса, но такие истории Кролику не нравились: после них становилось очень страшно. Поэтому он старался отсесть подальше, чтобы ничего не слышать. Хорошо, что этот лис уже умер, а его Братство, наводящее ужас на всю округу, разбежалось...

Зато потом все зайцы уже в который раз расспрашивали об Ужаснолесье. Ходили слухи, что после смерти Ужасного Лиса там не осталось ни одного хищника! Но на это старый заяц лишь грустно качал головой и отвечал, что это попросту птичьи вести и что хищники есть везде.

А потом начинались нескончаемые вопросы от любознательных зверят, на которые старик, верный своим привычкам, отвечал неспешно и порой столь загадочно, что не у всех хватало терпения дослушать до конца. По тому же свитку Старец учил читать всех желающих, среди которых был теперь и Кролик.

Только ночью они со стариком оставались одни.

— Дедушка, а почему ты не гасишь на ночь костёр? — Вопрос этот давно волновал зайчонка, и однажды после наступления темноты зайчонок решился задать его.

Моросил дождь, но под стоявшие под наклоном валуны, где располагались зайцы, капли не долетали. Старый Заяц сидел у костра и что-то записывал в своём Исцелительном Свитке.

— Огонь был моим единственным товарищем в последние луны, — отвлёкшись от писания, произнёс старик. — Мы с ним уже как единое целое. Мне порой кажется, что я уйду в тот самый миг, когда погаснет этот костёр...

Но Кролику было не до загадок Старца.

— Но ведь хищники... — голос предательски сорвался.

— В эти узкие расщелины между камнями не сможет пролезть ни один хищник. Так что можешь не бояться.

«Легко сказать...» — поёжился от страха зайчонок. По ночам всегда становилось особенно страшно, и все мелкие звери в лесу старались спрятаться. Мыши скрывались в норках, белки — в дуплах, птицы — в гнёздах. Только зайцы не имели своего жилья, потому что было безопаснее прятаться каждый раз в самых разных потайных местах. Ночью наступала время хищников.

Старец, верный своим привычкам, уселся со своим неразлучным посохом у горящего костра, а зайчонок улёгся спать, но сон никак не шёл. От уханья филинов и криков неяснейшего сердца, казалось, уходило в самые пятки. Поворочавшись на циновке, Кролик попросил у старого зайца свиток про Ветрогона, который хранился в потайном углублении под самым большим валуном вместе с травами и снадобьями. Истории про быстрого и ловкого Ветрогона всегда вселяли уверенность и помогали прогнать страх.

Зайчонок умел читать пока только по слогам и, быстро устав от чтения, начал просматривать при свете костра многочисленные картинки. Рисунки красочно изображали Ветрогона, лихо убегающего от лиса, стремглав удирающего от целой шайки волков, с улыбкой идущего по руслу ручья, чтобы сбить хищников со следа...

— Дедушка, — спросил вдруг зайчонок, — а кто написал этот свиток?

Старец не отвечал, видать, уже задремал... Зайчонок уже и не ждал ответа, как старик неожиданно изрёк:

— Хороший вопрос ты задал, Кролик.

— Чем же он хорош, дедушка? — оторопел зайчонок.

— Тем, что ты начал думать. К сожалению, нынче у зайцев нет времени на это, они постоянно заняты тем, что боятся и бегают. Боятся и бегают, — повторил Старец, словно пробуя на вкус горечь своих же слов.

— Но кругом же хищники! — возразил зайчонок. — Вон и Ветрогон всегда убежал!

— Природа устроена так, что нам, зайцам, и в самом деле, должно убегать и скрываться. Однако хищники не могли поймать Ветрогона не только потому, что он бегал быстрее всех, а прежде всего благодаря тому, что он всегда думал, куда и зачем нужно бежать. Всегда старайся думать, сынок, прежде чем куда-нибудь мчаться сломя голову.

«Пока я буду думать, вместо того, чтобы дать стрекача, меня поймают и съедят!» — но зайчонок побоялся сказать это вслух и молча уткнулся обратно в свиток.

— Этот Заячий Свиток написал друг Ветрогона — заяц Короткохвост — после некоторого молчания продолжал старик. — В ней собраны все предания про нашего легендарного предка, а по сути — вся мудрость заячьего рода. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы драгоценная рукопись попала в руки хищников.

С наступлением утра роща вновь наполнилась оживлённым гомоном зверья. Особенно выделялся противный и пронзительный голос сороки Балаболки. Что это она с утра прилетела? Кролик с мешком со снадобьями выбрался из расщелины вслед за Старцем. Вся лужайка была усеяна большими и малыми камнями, на которых и рассаживались звери.

— Что случилось? — строго спросил у собравшихся заяц, усевшись на своё обычное место: старый поваленный ствол берёзы возле родника.

— Такое случилось, дедушка! — тут же затараторила сорока, прыгая по одному из валунов и не давая прочим и рта раскрыть. — Такое случилось, что ты даже не поверишь!

Если уж сорока взялась что-то рассказывать, то её уже не остановить. Но хуже всего то, что она любила нещадно привирать при этом.

— Хватит балаболить, Балаболка — прервал старик. — Рассказывай.

— Средь бела дня Рыжий Лис увёл обманом троих оленят. — Зайчонок затаил дыхание — сразу стало страшно. — Только представьте себе — средь бела дня! Всё стадо в большом горе. Сам Большое Копыто обещал переломить хребет лису. Обещать-то обещал, да только как ему словить-то...

— Ты, Балаболка, далеко не пойдёшь — и то наврёшь, — прервал Старец болтливую птицу. Среди зверей пробежал смехок.

— Одно слово — балаболка! — язвительно выкрикнул зайчонок Быстроногий.

— Сам ты балаболка, а я Белобока, — возмутилась сорока. — Вот клюну тебя, косой, в нос — будешь знать! Я всегда говорю только чистую правду! Я не умею по-другому. Вчерась до самой ночи Большое Копыто со своими оленями-воинами пытался разрыть жилище Рыжего Лиса!

Некоторые звери согласно закивали головами.

— Да всё без толку — больно глубока нора, до хозяина не добраться. Хотя старый Рогач уверял меня, что чуть не достал Рыжего Лиса копытом...

— А как же оленята доверились рыжему хитрецу? — спросил Старец.

— Он им наплёл, что теперь перестал охотиться и что теперь ест только одну траву. Только представьте себе — Рыжий Лис ест траву! Со смеху можно умереть! Он не всякую-то дичь станет кушать...

— Ну, довольно, Балаболка, — перебил старый заяц, — лети дальше своей дорогой!

— Я всегда говорю только чистую правду! Это все в лесу знают! — Мудрецу сорока перечесть не осмелилась и, всем своим видом выражая недовольство, улетела дальше вещать по лесу свои новости.

Собравшиеся звери стали наперебой стали рассказывать, кто что слышал и знал. Сведения были весьма обрывочными и порой противоречили друг другу. У Кролика даже голова пошла кругом от всех этих новостей. Как тут выяснить, где правда, а где ложь?

— Оленята проявили большую оплошность, заговорив с Рыжим Лисом, — изрёк в итоге Старец. — Он столь хитёр, что уже разучился говорить правду.

— Нужно было убегать! — вскочив на камень и поправив рубаху, воскликнул Быстроногий. Присутствовавшие зайцы бурно его поддержали: он уже сейчас бежал быстрее многих сородичей.

Мыши решили, что нужно было спрятаться в норке, белки — залезть повыше на дерево, птицы — улететь подальше.

По устоявшейся уже традиции старый заяц отставил свой посох в сторону и принялся выслушивать зверей, которые жаловались на различные недуги. Больные, подходя по одному, присаживались на бревно рядом со стариком и рассказывали, что их беспокоит. Тщательно выслушав, а если надобно, то и осмотрев больного, старец давал каждому из мешка либо снадобье, либо высушенные травы для отвара, либо мази. Кролик помогал зверям унести лекарства с собой и терпеливо повторял ещё раз, как их применять.

Время уже близилось к полудню, когда краем глаза зайчонок заметил какое-то оживление среди собравшихся в Заячьем Выхолмье зверей. Оглядываясь в сторону восхода солнца, они тихо о чём-то перешёптывались. Волнение всё усиливалось, наконец птицы с криками вспорхнули со своих мест на деревья, и послышались крики:

— Рыжий Лис! Рыжий Лис идёт сюда!

Кролик весь похолодел. Рыжий Лис, гроза всего Многоручейного Леса, ходивший в своё время ещё под началом у самого Ужасного Лиса! Звери повскакивали с мест и бросились врассыпную. В мгновение ока роща опустела, а Кролик от страха не смог даже пошевелиться. В голове до сих пор звенел крик: «Рыжий Лис идёт сюда!»

Из состояния ступора его вывел Старец, встряхнув как следует за плечи.

— Ты ещё слишком слаб, а я уже слишком стар, чтобы убежать, — сказал он. — Спрячемся!

Они пролезли в жилище Старца, где тот первым делом спрятал свиток с преданиями. Но Кролик не чувствовал себя здесь в безопасности. К какой бы стороне он не прижимался, всегда оказывался слишком близко к одной из трёх расщелин. В конце концов,

он дрожа от страха уселся на своё место и прикрылся циновкой, будто это могло его спасти...

— Здравствуй, длинноухий старик, — раздался вдруг где-то совсем близко чей-то мягкий вкрадчивый голос.

Рыжий Лис?! Кролик от ужаса, кажется, перестал даже дышать... А ведь ни единый звук не выдал подкравшегося хищника.

— Я смотрю, у тебя появился ученик.

В одной из расщелин мелькнул хищный оскал, и зайчонка начало трясти так, что он даже не смог поднять сползшую циновку.

— Что тебе нужно, Рыжий Лис? — спросил Старец.

Можно подумать, он ни капельки не боялся этого хищника!

— Мне ничего не нужно, уверяю тебя, старик! Я просто прогуливался и мимоходом решил испытать из здешнего родника. Вода тут вкусная — вся пропитана заячьим духом.

— Ты ничего не делаешь просто так.

— Хо-хо! — хохотнул лис из-за камней. — Чего только не напридумывает звериная молва. Ты же знаешь, старик, — не стоит всему верить.

Речь лиса лилась так спокойно, а голос был такой мягкий, что Кролик ни за что не подумал бы, что его обладатель — жестокий и коварный хищник. Зайчонок даже почувствовал, что постепенно успокаивается — против своей воли.

— Я точно знаю, что не стоит верить твоим словам, Рыжий Лис, — твёрдо отвечивал Старец.

— Ты тоже думаешь, что не я умею сказать правды, и этому учишь своего ученика? — В голосе лиса, кажется, послышались весёлые нотки. В расщелине — теперь уже другой — сверкнули глаза хищника. — Уж больно маленького и тщедушного зайчонка ты выбрал, старик. Будет ли от него толк?

— Толк будет от любого, кто сам этого хочет, Рыжий Лис.

— Хо-хо! Ты же знаешь, как у нас говорят: дожившие да увидят. Но мне, к сожалению, пора. Прощайте, длинноухие!

Между валунов мелькнул рыжий хвост и исчез. Зайчонок сидел молча, боясь даже раскрыть рот. Только теперь до него дошло, что под учеником лис имел в виду его!

— Ушёл ли рыжий разбойник, голубушка? — подняв голову, обратился Старец к синице, сидящей на дереве.

— Ушёл, дедушка!

— Никогда не стоит верить лисам, — пожевав губами, сказал дедушка Кролику. — А Рыжий Лис — большой хитрец, и с каждым днём он становится всё хитроумнее и хитроумнее. Если бы он захотел, я думаю, он без труда смог бы поймать сейчас нас обоих. Но я уже слишком стар, а ты ещё слишком мал, а потому лис не пожелал попусту тратить время на нас.

— А я и в самом деле твой ученик? — решился спросить Кролик.

— Только ты сам можешь ответить, зачем ты здесь. Возможно, ты хочешь отблагодарить меня, помогая, или тебе просто некуда идти. А может, ты действительно хочешь постичь мудрость древних зайцев? Ты сам поймёшь, когда наступит время.

Кролику, конечно, и в самом деле идти некуда, но ведь очень обидно оставаться здесь только из-за этого!

— Я хочу, чтобы ты, дедушка, научил меня... — Зайчонок замолчал, увидев, что старик улыбнулся.

— Нельзя никого научить, можно только научиться самому. — Заяц сделал паузу. — Ко мне уже несколько раз приходили в ученики зайчата. Ты единственный, кто так надолго задержался, и, наверное, поэтому рыжий хитрец и заинтересовался тобой.

Кролик, вспомнив хищный оскал и ярко-рыжий хвост, вздрогнул.

— Дедушка, — помолчав, спросил он, — а ты разве не боишься лиса?

Старец некоторое время пристально смотрел на зайчонка, а затем спросил:

— Почему ты так решил?

— Ты так смело с ним разговаривал...

— Ты прав, я действительно не боюсь Рыжего Лиса, потому что смерть — это не самое страшное. Я боюсь другого. Боюсь, что не успею передать свои знания следующему поколению. Боюсь, что Заячий Свиток пропадёт после того, как меня не станет. Ничего не страшатся только дураки и сумасшедшие. Тот, кто думает о своём будущем, всегда чего-нибудь опасается. Хищники и те подвержены страху.

Для Кролика это стало открытием: он раньше даже не думал об этом...

— А чего же они боятся, дедушка?

— Голода, других хищников, смерти. Не каждый день у хищников бывает удачная охота, и порой они вынуждены драться из-за добычи. Но страх должен помогать думать о своём будущем, сынок, а не просто убегать. Об этом ничего не сказано, к сожалению, даже в свитках зайца Ветрогона.

«Страх-то у меня предостаточно, — вздохнул про себя Кролик, — только от него больше хочется как раз-таки бегать, а не думать...» Сказать такое вслух перед стариком он не осмелился.

— Лис приходил не просто так, — продолжал рассуждать Старец. — Я думаю, одна из причин — он хотел посмотреть на тебя, сынок.

Кролик не знал, смеяться ему или плакать.

— Но зачем он хотел меня увидеть?

— Он всегда думает о будущем. — Порой старый заяц совсем уже начинал говорить загадками. — И остерегайся Балаболки, сынок.

— Балаболки?! — удивился Кролик. — Почему?

В голове даже мелькнула шальная мысль: уж не сошёл ли старик с ума окончательно?!

— Слишком уж часто в нашем лесу вслед за Балаболкой появляется и сам Рыжий Лис. Сдаётся мне, это не простое совпадение.

Старец замолк. Над головой пролетело несколько встревоженных птиц, но призадумавшийся Старец их не заметил.

— Что случилось? — спросил Кролик, вскакивая.

— Внизу, в лощине появилась росомаха! — донеслось с высоты.

— Росомаха? — встрепнулся старик. — Вот и истинная причина появления Рыжего Лиса! Идём, сынок.

— Куда, дедушка?! — опешил зайчонок, но Старец с удивительной для него прытью выбрался вон из расщелины.

Следовать за сумасшедшим стариком было страшно, но ещё страшнее — оставаться одному. После некоторого замешательства, Кролик поспешил за учителем. Снаружи в ноздри ударил такой сильный лисий запах, что закружилась голова. Старец же, спокойно

проковыляв к краю лужайки, откуда лощина была как на ладони, уселся на камень.

Зайчонок, весь дрожа, примостился у камня, не решаясь даже выглянуть из-за него. «Но зачем, зачем мы сюда вышли?!» Кролик порывался сказать, что нужно идти обратно, однако от страха у него попросту отнялся язык. Из головы никак не выходили оскал лиса и его огненно-рыжий хвост.

— Смотри, сынок, — сказал шёпотом мудрый заяц. — Смотри, если и вправду хочешь научиться думать.

Зайчонок, зажмурившись, собрал остатки смелости... Он не помнил, как это получилось, но открыв глаза, с ужасом обнаружил, что стоит рядом со стариком.

Проследив за взглядом Старца, державшегося за свой посох обеими руками, Кролик разглядел в низине четыре фигуры и замер, не решаясь даже пошевелиться. Запоздало понял, что даже не выяснил с подветренной или наветренной стороны они вышли наблюдать за хищниками...

— Росомаха не один, — шёпот старика лился спокойно, как ни в чём не бывало, — с ним трое его подручных-шакалов.

Шакалы внизу суетливо высматривали и вынюхивали следы, иногда даже опускаясь на четвереньки. Росомаха же, как и положено вожаку, стоял в плаще из шкур и лишь указывал.

— Даже если хищники учуют нас, они не пойдут в нашу сторону.

«Но почему?!» Но вслух Кролик не смог произнести ни звука и лишь смотрел. Он ждал, что вот-вот кто-нибудь из хищников поднимет голову в сторону холма и...

— Потому что самые свежие следы ведут прочь от всхолмья. Хищники настолько самонадеянны, что даже представить себе не могут, что за ними наблюдает их добыча.

Не в состоянии даже пошевелиться, Кролик словно в тумане наблюдал за серо-бурой четвёркой, рыскавшей в лощине, испещрённую заячьими следами. Один из шакалов вдруг повернул голову в сторону холма и принялся. Зайчонок затрясся, словно лист на ветру.

Однако, немного покрутившись по лощине, росомаха и шакалы и, в самом деле, бросились бежать по берегу ручья прочь от холма. Кролика почувствовал, что ноги его больше не держат, и он медленно сполз по камню на землю.

— Страх не так велик, когда видишь своими глазами то, чего боишься, — повернувшись, сказал старик.

Что за ерунда? Пытаясь что-нибудь ответить, Кролик разжал зубы, но они так застучали, что он тотчас закрыл рот и просто кивнул в ответ.

— Хитрый лис нарочно распугал всех зверей с холма, чтобы пришедшие хищники остались без добычи в лесу, где привык охотиться он сам.

Помолчав, старик неторопливо слез с камня и, опираясь на свой посох, заковылял обратно к расщелине. Зайчонок, изо всех сил стараясь унять дрожь, двинулся следом. Старец поворошил пучки трав, развешанные на верёвках, протянутых между валунами, и продолжил:

— Давай-ка, займёмся приготовлением снадобий. Травы высохли, а сегодня к нам всё равно уже никто не придёт...

Старик и в этот раз оказался прав. Больше в этот день на Заячье Всхолмье никто из зверей не показывался, все были напуганы хищниками. Кролик помогал старому зайцу толочь сушёные травы, но

дрожь в руках у него так и не кончалась. Пребывание у Старца оказалась гораздо страшнее, чем он предполагал.

«Что же делать? Остаться страшно, уходить стыдно...» Только к вечеру зайчонок наконец набрался храбрости, чтобы как можно невозмутимее произнести:

— Я пойду... погулять.

Старый Заяц, сидевший у костра, по своему обыкновению некоторое время помолчал.

— Должен признаться, — сказал он, не оборачиваясь, — что подлинная мудрость пришла ко мне только тогда, когда я уже не мог быстро бегать. Потому что только тогда, поневоле, я и начал по-настоящему думать.

Совсем сбитый с толку Кролик не нашёлся, что ответить.

— Прощай, сынок. — Старик так и не обернулся. — Возвращайся, когда будешь готов.

Кролику стало так стыдно, что из глаз брызнули слёзы, но он ничего не мог с собой поделать. Ноги сами понесли его прочь от Заячьего Выхолма. Внизу, снова натолкнувшись на следы Рыжего Лиса, Кролик вдруг вспомнил, что уже однажды видел его хищный оскал и большой хвост. В ту самую злополучную ночь, при свете полной луны. Тогда лис тоже улыбался...

Глава 2. Обманутые надежды

Трусишка боязливо выглянул из кустов и посмотрел туда, куда ему указывал Длинноног. Лес отсюда не виден, но они почти дошли. Осталось только пересечь поле...

Длинноног, осторожно высунувшись из зарослей, внимательно осматривался. Трусишка терпеливо ждал своего друга: он старше, и с ним не так страшно. Затевать такое дальнейшее путешествие в одиночку зайчонок Трусишка ни за что не осмелился бы.

Наконец, Длинноног удобнее пристроил за плечом свою котомку и, сделав перед собой пару резких взмахов палкой, сказал:

— Идём. Если что случится — бежим зигзагами в разные стороны.

Трусишка кивнул, пытаясь унять мелкую дрожь, и зайчата вышли в открытое поле. Кружившие в небе два коршуна сразу же радостно заклекотали и начали снижаться. Трусишку основательно струхнул и, выронив палку, повалился в траву. Однако Длинноног не потерял присутствия духа и угрожающе помахал своим оружием над головой.

Разочарованные тем, что лёгкой добычи не будет, хищные птицы поднялись на прежнюю высоту, но кружить над зайчатами не перестали. Трусишка подобрал свою палку и заторопился за товарищем.

Зайчата шли споро, но переход был длинный. Солнце нещадно припекало, и вскоре на открытом поле стало жарко. Длинноног держал палку наготове и время от времени помахивал ею. Идти, постоянно оглядываясь вверх, было чрезвычайно утомительно, вскоре у Трусишки затекла шея и перед глазами поплыли цветные круги от солнца.

Наконец, впереди затемнела полоска деревьев, показывающая на края поля, и зайчата, побросав палки, помчались изо всех, выделявая зигзаги.

Длинноног бежал быстрее, но Трусишка видел, что сейчас тот сдерживался, чтобы не оставлять его на поле одного. Он уже совсем выбился из сил, когда зайчата наконец влетели в спасительный подлесок. Длинноног, тяжело дыша, начал осматриваться по сторонам, а Трусишка ничком повалился на землю.

— Добрались! — шептал он, ещё даже сам не веря. — Добрались!..

Молва про этот вожделенный лес, где нет хищников, ходила среди зайцев давно. Но не многие набирались смелости отправиться в столь дальний путь, полный опасностей. Трусишка же после гибели родителей от рук хищников панически боялся жить в родном лесу и от безысходности поддался на уговоры знакомого зайчонка, Длиннонога...

— Ещё одну такую пробежку я не переживу, — чуть отдышавшись, еле просипел Трусишка и постарался улыбнуться.

— Вся заячья жизнь — одна сплошная пробежка, — улыбнулся в ответ Длинноног. — Нужно идти к Большому Дубу, там узнаем все новости.

Трусишка не переставал удивляться тому, сколько сведений смог собрать Длинноног о чужом лесе из всяких слухов и домыслов. Трусишка поднялся, ноги всё ещё дрожали после сильного спурта.

Спросив дорогу у местного зяблика, друзья направились в указанную сторону. Теперь идти было гораздо веселее. Длинноног болтал без умолку, сбивая палкой листья с кустов. Про этот лес он, казалось, знал всё! Раньше здесь обитал знаменитый Ужасный Лис со своим Братством. Этот лис был настолько хитёр и умен, что под его началом ходили не только лисы и шакалы, но даже волки и медведи! Его Братство истребило всю мелкую живность в лесу и начало промышлять по соседним лесам, наводя ужас на всю округу.

Трусишка, тревожно оглядываясь, поёжился. Хотя Ужасный Лис и скончался ещё прошлым летом, слушать про него всё равно было ой как страшно. Вот после смерти лиса и не осталось в этом лесу ни одного хищника, потому как всё его Братство разбежалось.

Изредка осведомляясь у пернатых, правильной ли дорогой они идут к Большому Дубу, Трусишка и Длинноног неспешно продвигались всё глубже в Ужасное лесье. Во время путешествия они привыкли даже обедать на ходу. Но усталость начала брать своё, и, едва за вечерело, друзья, по привычке тщательно запутав следы, устроились на ночлег в зарослях ореха.

Проснувшись утром, Трусишка подумал, что ему давно не спалось так хорошо и спокойно. Длинноног уже расспрашивал соловья, долго ли им ещё добираться до Большого Дуба.

— Вы не местные? — Птица оглядела зайчат — те закивали. — Вам нужно пройти вдоль этой гряды по кабаньей тропе, перейти вброд Бурливую Реку у водопада и подняться выше по течению по той же тропе. У Большого Дуба живёт ворона Карр-Кар, у неё можно узнать все самые последние новости.

— А хищники в лесу есть? — спросил Длинноног.

— Поговаривали, что у Вязовой Опушки видели енотовидных собак. Но точнее вам расскажет только Карр-Кар.

Зайчата растерянно поблагодарили соловья и, наскоро перекусив листьями орехового дерева, тронулись в путь. Длинноног по дороге долгое время молчал, нахмурившись, а Трусишка даже и не знал, что думать. Как же так — в лесу без хищников есть хищники?!